

В театре и цирке. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

В театре и цирке. Максим Горький

Я – статист в огромном театре на ярмарке, получаю двадцать копеек за вечер и учусь быть индейцем и чёртом в пьесе "Христофор Колумб".
С изнанки театр вызвал у меня сквернейшее впечатление: помню, как по просторной полутёмной сцене, против чёрной дыры, наполненной сырым мраком, толстенький человечек, бешено ругаясь, гонял нас, кучу мальчишек, из угла в угол, точно пастух баранов, и визжал:

– Крокодилы дохлые, – убьёте вы меня!

Мне казалось, что он притворяется, – нет у него причин сердиться на нас и бить нас по ногам длинной тонкой палкой, мы бы лучше поняли, чего он хочет, если бы он говорил просто и спокойно. Но он суетился, хватал себя за круглую, как арбуз, голову и ныл, орал:

– Какие же вы индейцы? Вы – свиньи, а не индейцы! И какие вы черти? Медведи вы, а не черти!

Из-за кулис высунулась толстая дама и спросила его басом:

– А ты как знаешь, на кого похожи черти?

– На козлят, душечка моя, и на козлов, и не суйся нев своё дело!

Я читал об открытии Америки, и черти казались мне лишними в этом событии, – книжка Прескотта не упоминала о них. Я читал Майн-Рида, Эмара и, думая, что имею представление о краснокожих, старался ходить по сцене так, как ходят американские индейцы в книгах этих знаменитых писателей. Но мои попытки раздражали учителя; он укоризненно кричал:

– Послушай, ты, длинный, окаянный сухарь, смычок, жердь вавилонская, что у тебя – пятки подрезаны, а? Ты по битому стеклу ходишь? Убьёшь ты меня, бессовестная фигура!..

На спектакле я всё-таки ходил так, как, по моему мнению, должен был ходить настоящий, порядочный индеец.

Несколько раз я смотрел, как актёры репетируют пьесы: среди сцены стоит человек в пальто и цилиндре, с папиросой в зубах, с большим перстнем на толстом пальце, и невнятно бормочет что-то, морщась от дыма, оттопыривая тяжёлые губы. Нога у него выставлена вперёд; он размахивает руками и кричит суфлёру очень красивым голосом:

– Что-о? Не слышу! Подавай громче! Не слы-шу! Откуда тут дует, дьявол?

– Отовсюду дует, – справедливо говорит ему высокая красивая дама вся в чёрном.

Другой человек, пьяный, испитой и отрёпанный, сидит в сторонке на стуле, дремлет и время от времени, пугливо вздрагивая, спрашивает:

– Я? Как? О, господи помилуй!..

Всё это было невыразимо нудно и не возбуждало интереса к театру, но первый же спектакль, на который я попал зрителем, заставил меня почувствовать страшную силу театра.

С минуты, когда на сцене явился Андреев-Бурлак в образе Иудушки Головлёва, я совершенно забыл о театре и обо всём, кроме маленького старичка в халате, со свечой в дрожащей руке, с ядовитой улыбкой на слюнявом лице.

– Аннинька, Аннинька, – сладострастно всхлипывал он перед измученной, умирающей женщиной.

Всё, что делал этот человек, было страшно просто, неопровержимо правдиво и

В театре и цирке. Максим Горький gorkiymaxim.ru убедительно. Его липкие слова, паучьи движения, его порабащающий, терпкий голосок и эти гнилые улыбочки, – весь он был до ужаса противен и казался непобедимым, точно Кощей Бессмертный.

Я пережил нечто неопишное: хотелось бежать на сцену и убить это воплощение мерзости, я чуть не плакал от бешенства, а кругом меня люди смеялись, орали, возбуждая страх и тяжкое недоумение. Это был очень тяжёлый и дурной кошмар, тем более тяжёлый, что я чувствовал в нём много знакомого мне, того, чем так богата тёмная, запутанная, болезненно, жестокая душа русской жизни. Много лет спустя я снова пережил такое же угнетающее впечатление, читая книгу о Фёдоре Карамазове.

После спектакля, отравленный я всю ночь шлялся в лугах за ярмаркой; меня остановил какой-то пьяный и больно ударил кулаком по голове; помню, это не обидело меня.

Мне вспоминались все старики, которых видел я: два Петра – извозчик и начётчик, дед, Осип, и во всех я чувствовал начало, враждебное мне, могучее начало, спокойно отрицавшее меня.

Я перестал ходить в театр, может быть, потому, что боялся ещё раз пережить такое же подавляющее впечатление, а может – хотелось сохранить его нерушимо.

Вскоре я увлёкся цирком; я бывал в нём и раньше, но теперь вдруг первое же представление приятно поразило меня. Всё, что я видел на арене, слилось в некое торжество, где ловкость и сила уверенно праздновали свою победу над опасностями для жизни. Я стал посещать цирк часто, познакомился с конюхами, с наездником Масловым, акробатом Красильниковым. Все артисты казались мне такими же интересными, как братья Земганно, и я воодушевлённо рассказывал им этот печальный роман.

– Бывает, – говорил Маслов, очень простой и милый солдат-кавалерист, но Красильников возражал ему:

– Ну, что ты знаешь? Просто, это – злой случай! Нет, мы, цирковые, живём, слава богу, дружно, хорошо! У нас такая работа опасная, что нужно беречь друг друга...

Мне страшно хотелось взяться за эту опасную работу, но артисты говорили:

– Опоздал ты, не годишься, стар! У тебя уж кости отвердели...

Я начал всячески ломать и выгибать кости, но это мало помогло мне.

Большинство артистов были иностранцы; я особенно жадно следил за ними, расспрашивал, о них, и всё, что я видел, слышал, высоко поднимало этих людей в моих глазах. Русские относились к ним снисходительно, с добродушными усмешками. Маслов рассказывал мне о своём товарище Нони Бедини, с которым он ездил, изображая "двух гладиаторов".

– Это – чудак; ему около тридцати годов, а он – как парнишка живёт! Ты поглядел бы, как он свою жену любит, – умора, видеть нельзя без смеха! Провожает её на арену – ручку целует, ей-богу! А то и ножку! Она работает, ездит, а он смотрит на неё бледный, трясётся даже, боится: не упала бы! А она у него ловкая, сильная – бояться-то вовсе нечего! Едет она с арены – он её опять чмок в ручку и рад, – просто смотреть нельзя! А уж лет пять женаты, ребят двое у них. Хороший он товарищ, внимательный, с ним не пропадёшь, но смешной очень!

А мне нравилось, как Бедини смотрит чёрными глазами на свою жену, много было радости в этих глазах. Она отвечала ему тоже радостным, праздничным взглядом, и оба они были похожи на детей из хорошего семейства, когда, бывало, шли по пёстрым улицам ярмарки, прижавшись друг к другу.

Иноземцы считались русскими не настоящими людьми, а как бы ошибкой природы, – ошибкой, в которой однако было не мало приятного, но больше всего смешного:

– Чистяки: всё моются да обтираются. Деньги копят, – дескать, работа наша скоро силу вымотает, так чтоб на старости было чем жить. Нищими, дескать, не желаем быть. А между собою дружно живут, ничего; только вот смешные очень! Оттого у них и клоуны лучше наших...

Я не видел ничего смешного в этих людях, но мне казалось, что они веселее, живей русских, не так часто позёвывают, потягиваются.

Меня особенно интересовал англичанин-клоун, гладко выбритый, широколобый человек средних лет, с тёмными глазами, ловкий и сильный; было нестерпимо досадно, что я не мог говорить с ним, а он говорил по-русски весьма охотно, хотя никто не понимал его.

Он гораздо больше нравился мне за ареной, чем на глазах публики, посреди чёрной, жуткой воронки цирка, где он кувырчался и метался, играя, точно большой котёнок. Я видел однажды, как он, проходя в буфет, увидел своё изображение в зеркале и, сняв цилиндр, с улыбкой кивнул сам себе головою, это меня поразило. В антрактах я вертелся около двери его уборной, наблюдая, как он мажет себе лицо и всё время оживлённо разговаривает со своим отражением в зеркале, – несомненно, что он забавлял этим самого себя. Гулял он всегда один, а я ходил за ним, как сыщик, и мне казалось, что этот человек живёт особенной, таинственной жизнью и смотрит на всё так, как я никогда не сумею. Иногда я пробовал представить себя в Англии; никем не понимаемый, страшно чужой всему, оглушённый могучим шумом незнакомой жизни, сумел ли бы я жить так же спокойно улыбаясь, в дружбе только с самим собою, как живёт этот крепкий, стройный щёголь?

Как-то днём, проходя по мосту через Оку, я увидел, что он, сидя на краю одного из плашкоутов, удит рыбу; я остановился и смотрел на него до поры, пока он не кончил ловли. Вытаскивая на крючке ерша или окуня, он брал его в руку, подносил к своему лицу и свистел тихонько в нос рыбе, а потом, осторожно сняв её с крючка, бросал в воду. Надевая червяка, он что-то говорил ему; когда из-под моста выплывала лодка, он снимал шапочку без козырька и любезно кланялся незнакомым людям, а когда ему отвечали, делал страшно удивлённое лицо.

Другой раз я встретил его на горе, около церкви Успения. Он смотрел на ярмарку, клином врезанную между двух рек, держал трость в руках, перебирая по ней пальцами, и тихонько посвистывал, как бы играя на флейте. Издали через реку доносился глухой, чуждый шум; по воде ползли пароходы, точно большие жуки; где-то далеко горели леса; в дымном небе неподвижно стояло тускло-красное солнце. Мне было очень жалко этого человека.

Я выдумывал разные истории, в которых англичанин играл роль благородного героя, уснащал его всеми известными мне достоинствами и любовался им. Он напоминал мне людей Диккенса, упрямых в злом и добром.

Когда этот человек уехал из цирка, я был очень опечален, как будто потерял хорошего друга.

Не знаю, что именно дал мне цирк, кроме того, что в нём я увидел людей, которые красиво рискуют жизнью ради удовольствия ближних, – но я думаю, что и этого достаточно. Я смотрел на них сквозь книгу Гонкура, мемуары Файмали и чувствовал к ним почтительную зависть, ясно понимая, что эти люди нужнее меня на земле...

1914 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Башки buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!